

Рассказы о лешем в Ростовском районе (на материалах полевых исследований)

Ал-й Вал. Киселев

Настоящее сообщение посвящено изучению на материалах Ростовского района Ярославской области такого раздела русской традиционной мифологической прозы, как рассказы о лешем. Источниковая основа работы представлена, прежде всего, данными полевых исследований, проведенных автором в 1999-2005 гг. Кроме того, были привлечены сведения, содержащиеся в «Картотеке полевых материалов проекта Академии Финляндии по летописной территории мери» (далее – КЛТМ) (руководитель – лицензиат филологических наук А. Альквист)¹.

Цель работы – ввести в научный оборот названные материалы и проанализировать их.

Анализ источников показывает, что большая часть сообщений посвящена лешему, в то время как рассказы о его женской ипостаси – лешихе – зафиксированы только в ряде населенных пунктов Татищевского сельского округа (южная часть Ростовского района). Данные тексты посвящены так называемому «Лешихиному камню», расположенному у д. Кобяково: «Лешиха такая живет в реке и на том камне расчесывается»². «Он [камень] большой такой. Иногда, мол, на это выходила волосы чесать русалка. [Говорили] «Вот тут лешиха живет». Лешихин [камень]... потому что большой и гладкий»³.

Как видим, в приведенных сообщениях лешиха не выступает главным героем повествования, рассказчики упоминают ее с целью обосновать наименование природного объекта («Лешихин камень»). Кроме того, лешиха не наделена признаками, по которым можно выделить ее в качестве особого представителя «нечистой силы». В связи с этим интересно, что информанты использовали для описания данного персонажа мотивы поверий о таком, по-видимому, более известном в регионе мифологическом существе, как русалка⁴. Таким образом, рассказы о лешихе не имели разработанный сюжет и не были распространены в Ростовском районе.

По поверьям, бытовавшим в Ростовском районе, леший преимущественно обитал в отдаленных и безлюдных местах. Так, информант из д. Ершники Фатьяновского сельского округа сообщал следующее: «Пугали все нас маленьких. [А как пугали?]. «Леший придет из Зараменья и тебя заберет». Чтобы не хулиганили. [А почему из Зараменья?]. Ну, там глухое место. Вот от нас до Хлобыстова пря-

мо в лес, сначала Гон называется, потом Речка, потом Зараменье называлось»⁵.

Затрагивая вопрос об образе лешего, отметим единичное сообщение о его невидимости: «А леший, леший – это, во-первых, лесной человек, страшный, он никому не показывается. Но он может заблудить; может быть, и обидеть...»⁶.

Небольшая часть записанных текстов содержит сведения о зооморфных признаках лешего. В Ростовском районе лешего отождествляли с филином: «Филин кричит. А говорят: «Леший кричит»»⁷. «А леший – это филин в лесу летает. Это говорили, что леший. А это не леший, а филин. Он орет так интересно»⁸. Отметим, что сходные представления бытовали в XIX в. и в других местах Ярославской губернии⁹. Данными представлениями, очевидно, стремились подчеркнуть «лесной» статус лешего и его шумный характер.

Анализ источников показывает, что леший обычно наделялся антропоморфными признаками. Так в с. Вепрева пустынь Любильковского сельского округа бытовал рассказ о лешем, показывавшемся в образе «маленького старичка», подпоясанного «красным кушаком»¹⁰. В связи с этим отметим, что красная одежда являлась характерным признаком персонажей мифологических представлений русских и других народов¹¹.

В ходе полевых исследований удалось выявить большую группу текстов, объединенных мотивом оборотничества лешего – способности показываться в виде человека, знакомого герою повествования. В качестве примера приведем следующие сообщения: «Это в Потоке. Папа раньше говорил, что здесь водит. Сюда вот, на Шугорском лугу. Заблудился дядя Ваня Спиридонов. Говорит, шел домой, и ему казался мой папка с бутылкой. И он за этой бутылкой по этому оврагу пошел. В Подберезье пришел»¹². «А вот бабушки раньше знали. Сидят прялки прядут. Стучат в окошко: «Пойдем, подруга». Идут: деревни, деревни. Идут по лесу. Заводит, заводит. Угощает куличами. И р-раз – пропала. И остается около поленницы в лесу. А вместо куличей лошадиный помет»¹³.

Вызывают интерес рассказы, в которых описывается поведение лешего: «Как-то один ехал на лошади. Раз один попросил его довезти. Как сел на лошадь, она только повезла. Лошадь сделалась вся мокрая. Хозяин говорит: «Знаешь, что? Ты не человек». А он спрыгнул с телеги, захлопал в ладоши, захохотал: «А, догадался!». Он ехал от деревни Пирогово в сторону Караша. Болото он проезжал»¹⁴. «Лешай ходит... Вот у нас на этом, на реке Саре, один раз и нашего папу завело. Вот иду, говорит, иду в гору. В гору взойду, а моста нет. Слетаю под гору кувырком. Раза четыре, говорит, в гору влезал, все мосту нет. Потом, говорит, идут две женщины. Говорит: «Как вы перешли, мосту-то нет». Они засмеялись. А я, говорит, стою: «Господи,

как же... Мосту-то нет». Ха-ха-ха-ха-ха! Только, говорит, смех прошел, и я, говорит, пошел по мосту хоть бы што. Вот, это, гот, меня, значит, леший завел»¹⁵. «У меня вот мать... Там болото, называется Семеновское болото, вот она все ходит в это болото за клюквой... «И вот, – говорит, – как прихожу, лес [так!] начинает хлопать в ладоши. Говорю: «Как, вот так?»

– Да, пугает меня все...

– Да это тебе кажется.

– Да нет, это настоящий леший... начинает кричать»¹⁶.

«Там водит. Бывало, и саму меня водило. Поедешь за сеном, за снопами, и лошадь распрягается. Молитву прочитаешь какую-нибудь святую. [Голос] «А, догадался!». А кто кричит, я не вижу. [Кто так кричал?]. Не знаю. Все раньше говорили: «Это леший, это леший водит». Распрягается лошадь, вот там скажут: «Мужик какой-то удавился, вот и водит»¹⁷. «Было с моим соседом. Ходил в одну деревню к девке. Вот его водили. Он пошел домой, его раз в другую сторону. Там у нас был ельник. Удавленников там было много. Видит елку. «Выхожу, – говорит – церковь». А у нас дорога была прямая от этой церкви. Опять в этот ельник. Два круга. Второй раз пришел в этот ельник»¹⁸. «Было, было. Вот сейчас как пойдешь в Ивакино. Тут дорога так была, и дорога поперек была от Никова. И на этом перекрестке водило. Там плуталиса все. К Поклонам, Соловьево, Козлово. Там тоже. Там были кусточки. До этих кустов как дойдешь, заведет. Там удавленников хоронили»¹⁹.

Любопытно следующее произведение: «Это в Великом селе было. Нет и нет отца. Вот пошли с сестрой к Великому селу. Это была деревня Тишнина. Идет, говорит, впереди нас поп с гармонью. Мы глядим: «Что такое?». А лунная ночь была. Видно все: у нас есть тень, а у него нет. Перекрестились. А поп гармонь растянул, захлопал – пропал»²⁰. В приведенном рассказе одно из действующих лиц – встреченный в лесу «поп с гармонью», не отбрасывающий тени и исчезающий с хлопками при изображении креста. Кроме того, интересно, что «поп» наделен предметом – «гармонью», несвойственным для духовного лица²¹. Информант, делая акцент на данном несоответствии, стремился, вероятно, показать противоречивое содержание образа лешего.

Обратим внимание, что в ряде приведенных текстов не упоминается название лешего. Данное явление было характерно для изучаемого круга фольклорных произведений²². В процитированных рассказах леший определяется по общим для данного персонажа признакам: оборотничеству, стремлению «завести» человека, хохоту, хлопанию в ладоши, особенной словесной формулой «а, догадался!».

Заметим, что распространенным мотивом сообщений о лешем выступает связь с представлениями об умерших неестественной смер-

тью. В самом деле, описываемые в текстах события нередко происходят в тех местах, где совершали самоубийства или погребали покончивших с собой. Русский этнограф XIX – первой половины XX вв. Д.К. Зеленин, первым обратившийся к данной проблеме, считал, что в традиционной культуре русских существовали две группы представлений об умерших: в одной из них главная роль отводилась «родителям» (умершим естественной смертью), в другой – «заложным покойникам», к которым относил убитых, самоубийц, «опойц», умерших некрещеными или проклятыми. Если первых почитали, поминали и чтители места их захоронений, то вторых – боялись, часто погребали за пределами кладбищ, в отдаленных местах²³. Очевидно, в нашем случае наблюдается переплетение представлений о местах обитания лешего и пребывания «заложных покойников», как локусах, сакральная опасность которых усиливается их периферийным расположением²⁴.

Анализ источников позволяет выделить среди произведений о лешем сообщения, в которых упоминаются средства против его «злоскозненного» поведения. В данном случае информанты, прежде всего, говорили о крестном знамении и молитве: «Меня однажды... Трезвый шел, из Кузмицына тропка и дорога. Я ушел из лесу к речке. Пошел в лес обратно, вышел нормально. Ну, вроде, в Бога не верил, сейчас так, средне. Надо было перекреститься, а кто знает? [А кто завел? Что говорили?]. Какой-то леший, што ли. [Что делали, чтобы не заводил?]. Перекреститься надо было»²⁵. «Мама рассказывала моя. Раньше едут в Ростов, и около Серьгова все, лошадь не пойдет, вся в пене бьется. И глядишь: пойдет и пойдет лешай. Говорили. Пойдет и фонариком сверкает... Молитву прочитает, и куды чего деваается. Лошадь пойдет и сухая»²⁶. «Прихожу часа в два [ночи]. Матери нет. А она является в три-четыре часа. Она говорит: «Шлашла, – говорит, – дошла до Холщевки. Прошла низом, и в этот ельник. Пляжу, – говорит, ельник. Перекрестилась – гляжу: гладкая дорога»... Как раньше говорили, леший завел»²⁷. Представление о действенности крестного знамения и молитвы можно объяснить упоминанием в них Бога, Богородицы, святых, противостоящих, согласно христианским представлениям, «нечистой силе».

Кроме того, сообщали, что против проделок лешего употребляли матерную брань: «когда заводит, нужно молиться или ругаться матом»²⁸. В д. Нагая Слобода Фатьяновского сельского округа бытовал следующий рассказ: «Шел с Рославлево в Слободу, хотел выйти на Ефремову Гору. Свернул с торной дороги, пошел лесом... но шел очень долго, и вышел к тому же месту, откуда шел. Так сделал два круга. Потом понял, что что-то не так. Заругался и вышел»²⁹. Авторы, поднимавшие вопрос о месте матерной брани в народной культуре, считали, что ее первоначальное значение состояло в том,

чтобы запугать или снискать благосклонное отношение со стороны «злокозненного существа»³⁰.

Кроме вербальных защитных формул, в материалах полевых исследований содержится упоминание о своеобразных «перевернутых» действиях, имевших сходное значение (так называемое «антиповедение»; термин Б.А. Успенского): «У мужика лошадь была вся мокрая, он не мог найти дорогу. Тогда он повернул дугу ушами назад и сразу нашел дорогу. Его водил леший»³¹. «[А чтобы не заводило, что нужно было делать в лесу?]. Говорят, шапку вывяртывали. Шапку, кепку возьмут, вывернут ее – все отходило»³². Отметим, что воспоминания о сходных реалиях сохранялись и в других местах расселения русских в XIX – начале XX вв.³³ По мнению авторов, люди, исполнявшие данные ритуалы, стремились обрести признаки, характерные для лешего, «у которого все навыворот и наизнанку»³⁴. В этом случае названный персонаж, возможно, не будет трогать «своего»³⁵.

Подведем итоги. Рассказы о лешем, бытовавшие в Ростовском районе Ярославской области, в общем соответствует общерусской традиции. Изученные произведения представляли собой сообщения об образе, поведении, местах обитания названного представителя русской демонологии и средствах против его проделок. В записанных текстах леший, как правило, не выступал мифологическим «хозяином» лесного пространства, а играл роль злокозненного лесного существа, встреча с которым для человека была неприятна. Говоря о бытовании фольклорных произведений о лешем в Ростовском районе Ярославской области в последнем десятилетии XX – начале XXI вв., отметим, что количество данных текстов уменьшается или они трансформируются в сторону сообщений с неразвитым или «нетрадиционным» для более раннего периода сюжетом.

**

¹ Данные материалы хранятся на кафедре финно-угроведения Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия). Автор благодарит А. Альквист за предоставленные материалы.

² Архив автора. В.П. Поляков, 1932 г.р., с. Татищев Погост Татищевского сельского округа, 7 августа 1999 г. (здесь и далее: инициалы, фамилия и год рождения информанта; место и дата записи). В квадратных скобках приводятся слова автора.

³ Архив автора. Е.Д. Новикова, 1911 г.р., д. Кобяково Татищевского сельского округа, 7 августа 1999 г.

⁴ Ср. следующее сообщение: «Там [в р. Сотьма] всегда вода хорошая. Тут и русалка на реке сидит. На камне сидит, косы расчесывает. Вот люди и говорили...». Архив автора. Т.В. Каичева, 1927 г.р., с. Полянки Татищевского сельского округа, 10 июля 2003 г.

⁵ Архив автора. Е.И. Чулкова, 1930 г.р., д. Ершники Фатъяновского сельского округа, 26 августа 2004 г.

- ⁶ Архив автора. А.Л. Першина, 1933 гр., с. Мосейцево Мосейцевского сельского округа, 18 августа 2005 г.
- ⁷ Архив автора. Н.Н. Куликов, 1927 гр., д. Малиновка Любилковского сельского округа, 17 апреля 1999 г.
- ⁸ Архив автора. Ю.Д. Барашков, 1929 гр., д. Тереньково Фатьяновского сельского округа, 19 июля 2006 г.
- ⁹ Известно, что в Пошехонском уезде Ярославской губернии лешим называли филина. Считали, что крик этой птицы предвещал несчастье. ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 366. Л. 7 об.; Архангельский А. Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда // ЭС. 1854. Вып. II. С. 56.
- ¹⁰ КЛТМ. Записано в с. Вепрева Пустынь Любилковского сельского округа в 1995 г. Ср.: Верюжский Д. Народные суеверия в Верхолежемском приходе Вельского уезда // ВГВ. Неоф.ч. № 27. С. 86; Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 45.
- ¹¹ См.: Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1994. Т. 2. С. 724-735; Кузнецова Н.В., Лурье М.Л. Черти на службе колдуна // ЖС. 2000. № 2. С. 50.
- ¹² КЛТМ. Записано в д. Григорьково Шугорьского сельсовета в 1996 г.
- ¹³ Архив автора. И.Е. Железов, 1929 гр., с. Макарово Ново-Никольского сельского округа, 18 августа 1999 г.
- ¹⁴ Архив автора. С.Д. Фураев, 1924 гр., д. Малиновка Любилковского сельского округа, 23 мая 1999 г.
- ¹⁵ Архив автора. А.Н. Пупкова, 1914 гр., с. Деболовское Никольского сельского округа, 8 августа 2002 г.
- ¹⁶ Архив автора. В.И. Николаев, 1948 гр., д. Медведево Фатьяновского сельского округа, 16 сентября 2004 г.
- ¹⁷ Архив автора. Н.П. Курицына, 1929 гр., д. Тарасово Фатьяновского сельского округа, 10 июня 2004 г.
- ¹⁸ Архив автора. И.Е. Железов, 1929 гр., с. Макарово Ново-Никольского сельского округа, 18 августа 1999 г.
- ¹⁹ КЛТМ. Записано в д. Горбынино Фатьяновского сельского округа в 1995 г.
- ²⁰ Архив автора. И.Е. Железов, 1929 гр., с. Макарово Ново-Никольского сельского округа, 18 августа 1999 г.
- ²¹ Ср. фразеологизм «как попу гармонь», употреблявшийся в том случае, когда говорили о ненужной вещи.
- ²² См.: Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. С.38.
- ²³ См.: Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 39.
- ²⁴ Об удаленности как признаке «чужого» мира см.: Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 9.
- ²⁵ Архив автора. М.С. Синотов, 1932 гр., с. Полянки Татищевского сельского округа, 10 июля 2003 г.
- ²⁶ КЛТМ. Записано в д. Перово Перовского сельского округа в 1995 г.
- ²⁷ Архив автора. И.Е. Железов, 1929 гр., с. Макарово Ново-Никольского сельского округа, 18 августа 1999 г.
- ²⁸ КЛТМ. Записано в пос. Солнечный Любилковского сельского округа в 1997 г.
- ²⁹ КЛТМ. Записано в д. Нагая Слобода Фатьяновского сельского округа в 1995 г.
- ³⁰ См.: Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 1997. С. 254; Успенский Б.А. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.2. Язык и культура. М., 1996. С. 67.

- ³¹ КЛТМ. Записано в д. Побычево Любилковского сельского округа в 1995 г. Ср.: Колчин А. Верования крестьян Тульской губернии // ЭО. 1899. № 3. С. 237.
- ³² Архив автора. В.В. Шадрин, 1931 г.р., д. Сидорково Шугорьского сельского округа, 11 сентября 2003 г.
- ³³ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Спб., 1994. С.65; Логинов К.К. Лес и «лесная сила» в современных представлениях русских Карелии // ЖС. 2002. № 4. С. 3. В связи с этим вызывает интерес запись XVII в.: «Аще которая сторона коли на лесе отблудится и путь отимется, и ты у себя перемени сапоги или лапти или какую обувь ни буди с правые ноги да на левую, а с левые да на правую и с онючами – и узнаешь куды идти». Турилов А.А. «Русская Мандрагора» // ЖС. 1998. № 3. С. 34.
- ³⁴ Максимов С.В. Указ. соч. С. 63.
- ³⁵ См.: Толстой Н.И. Выворачивание одежды // Славянские древности. М., 1995. Т.1. С. 466; Синявский А. Иван-дурак. Очерки русской культуры. Очерки народной веры. Париж, 1991. Т. 2. С. 124.